

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ,

из которой вы узнаете о том, как Сунь У-кун нашел пещеру, поймал укрывшегося в ней злого оборотня и встретил почтенного духа Долголетия, а также о том, как правитель государства Нищенствующим монахам бикшу собственными глазами увидел возвращение детей

Итак, мы остановились на том, как важный сановник в парчовой одежде взял за руку мнимого Танского монаха и вывел его из помещения почтовой станции. Дворцовая стража сразу же обступила их плотным кольцом и сопровождала до самых ворот дворца. Там придворному евнуху было сказано: «Мы пригласили сюда Танского монаха и просим доложить об этом государю». Евнух поспешно вошел во дворец и сообщил неразумному правителю все, что ему было сказано, а тот отдал распоряжение просить монаха пожаловать к нему.

Войдя во дворец, толпа придворных чинов и служителей опустилась на колени у ступеней трона. Один только мнимый Танский монах невозмутимо стоял посреди зала перед тронными ступенями.

— Правитель! — зычным голосом произнес он. — О чем хочешь ты говорить со мною, бедным монахом?

— Я давно страдаю недугом и никак не могу исцелиться, — с улыбкой ответил правитель. — К счастью, тесть государя посоветовал мне чудодейственное средство. Оно уже готово, нечем только запивать его. Вот я и пригласил тебя, почтенный наставник, чтобы попросить то, из чего необходимо приготовить отвар. Если я вылечусь от своего недуга, то обещаю построить в честь тебя храм. Там круглый год будут приносить тебе жертвы, вечно будут гореть неугасимые светильники и куриться фимиам, чтобы слава о тебе не померкла во веки веков.

— Я — монах, отрешившийся от всего земного, — сказал Сунь У-кун, — ничего у меня нет. Не знаю, что посоветовал тебе тесть государя просить у меня.

— Мне нужны твои сердце и печень, — решительно сказал неразумный правитель.

— Не стану скрывать от тебя, правитель, сердец у меня несколько. Какое тебе нужно? — с самым серьезным видом спросил Сунь У-кун.

Тесть государя не удержался и, тыча пальцем в сторону Сунь У-куна, закричал:

— Давай свое черное сердце! Слышишь?

— Ну что ж! — невозмутимо произнес мнимый Сюань-цзан, — раз на то пошло, давайте мне нож, только живее. Сейчас я вскрыю свое нутро. Если там окажется черное сердце, то я сочту своим долгом почтительно преподнести его вам.

Правитель обрадовался, стал благодарить мнимого Танского монаха и велел сановнику для

поручений подать кривой короткий нож. Приняв нож и держа его в одной руке, мнимый монах другой рукой расстегнул одежду и выпятил грудь вперед. Затем он взялся за живот левой рукой, держа нож в правой. Раздался характерный звук и из вспоротого живота со стуком посыпались сердца, образовав целую груду. Гражданские чины от страха побледнели, да и у военных мурашки побежали по телу.

— Оказывается, у этого монаха множество сердец, — удивился тесть государя, наблюдавший за происходившим с тронного возвышения.

Между тем мнимый Танский монах стал ворошить груду сердец, дымящихся кровью, и по одному показывал их собравшимся. Тут было красное сердце, белое, желтое, было сердце алчное, честолюбивое, ревнивое и завистливое, хитрое и коварное, заносчивое, спесивое, пренебрежительное, пагубное, злое, устрашающее, осторожное, невоздержанное и необузданное, скрытное и боязливое и еще много разных нехороших сердец, но черного сердца так и не оказалось.

Неразумный правитель до того был напуган этим зрелищем, что начал отчаянно отмахиваться руками и ногами, язык ему не повиновался и, дрожа всем телом от страха, он мог лишь кричать:

— Убери! Убери!

Наконец Сунь У-куну все это надоело, он снял с себя свои чары и сразу же предстал в своем настоящем виде.

— Государь! — крикнул он. — Ты просто слеп! У всех нас, буддийских монахов, добрые сердца, только у твоего тестя в утробе черное сердце, вот из него-то и хорошо бы приготовить отвар для твоего снадобья. Если не веришь мне, погоди минутку, я сейчас достану его и покажу.

Тесть государя при этих словах вытаращил глаза и стал внимательно разглядывать Сунь У-куна. Он заметил, что «монах» переменялся до неузнаваемости.

И вдруг он вспомнил: это был тот самый Сунь У-кун, которого он знал еще пятьсот лет назад. Тесть государя сразу съежился и, вскочив на облако, стал быстро подниматься вверх. Сунь У-кун тут же перекувырнулся в воздухе и закричал:

— Ты куда? Постой! Сейчас я угощу тебя моим посохом.

Тесть государя поспешно вооружился своим посохом, извилистым, как дракон, и бросился навстречу Сунь У-куну. Ну и бой разыгрался между ними!

Вот послушайте:

Большая палица
И посох, как дракон,
Скрестились яростно
В клубах палящей серы.
Был оборотнем тесть правителя.
И он
Лисице облик дал
Прекраснейшей гетеры.
Правитель падох был
До сладостных утех,
Он истомил себя
Порочною любовью.
А оборотень — тесть,
Собрав малюток всех,
Упиться захотел
Младенческую кровью.
Но на свою беду
Колдун не разгадал,
Кто перед ним стоял,
Какой герой могучий,
Не знал, что Сунь У-кун
Врагов уничтожал,
Спасая всех друзей
От смерти неминучей.
Железной палицей
Взмахнув над головой,
Бьет Сунь У-кун врага,
Дыша могучим жаром.

Но оборотень злой
Вращает посох свой,
Отводит в сторону
Удар он за ударом.
От грозной палицы
Летят огонь и дым.
Бледнеют жители,
Бегут, дрожа от страха,
А демон-чародей
Оружием своим
Вздывает до небес
Туман и клубы праха.
Придворные дрожат.
Дрожит весь двор царя.
Трясутся воины,
И, взяв пример с улиток,
Попрятались кто где,
Уже не говоря
Про всех придворных дам,
Наложниц, фавориток.
Сам неразумный царь
От ужаса дрожал,
Закрыв глаза, бежал,
И, позабыв молитвы,
Укрылся в глубине
Дворцовых тайных зал,
И в страхе ожидал
Конца ужасной битвы.

А палица меж тем
В руках у силача
Рычала, словно тигр,
Носясь над головами,
Резвилась, прыгала
И рушилась сплеча
На темя колдуна,
Сверкая ободками.
Хоть злого колдуна
Порой бросало в дрожь,
Сражался бодро он,
С врагом в проворстве споря.
Он посохом разил,
И посох был похож
На змея, всплывшего
Из огненного моря.
Большой переполох,
Великая беда
Случилась в этот день
В прославленной столице.
Ее правителям
И жителям тогда
Немало довелось
Узреть и подивиться.
Колдун не избежал
В тот день своей судьбы,
Бежал он,
Словно рысь, в последний раз ощерясь.

Но ясно стало всем

Свидетелям борьбы,

Где зло и где добро,

Где истина, где ересь!

Раз двадцать, а то и больше, сходилась злой оборотень с Сунь У-куном, но не мог устоять против его волшебного посоха с золотыми обручами. Наконец он сделал ложный выпад и превратился сразу же в холодный луч, метнувшись во внутренние покои дворца. Там он схватил подаренную им деву, вывел ее за ворота дворца, обратил ее в холодный луч и вместе с ней исчез.

Сунь У-кун прижал край облака книзу, спустился у самого входа в тронный зал и, войдя в него, обратился к находившимся там многочисленным сановникам:

— Ну и хорош ваш тесть государя! Нечего сказать!

Сановники принялись разом отбивать низкие поклоны и изъявлять благодарность мудрому монаху. Но Сунь У-кун остановил их.

— Нечего кланяться! Идите ищите вашего неразумного правителя!

— Когда начался бой, он так испугался, что бросился бежать со всех ног, и теперь мы не знаем, в каком из дворцов он укрылся.

— Ступайте, найдите его, только живее! — приказал Сунь У-кун. — А то Прекрасная государыня утащит его куда-нибудь.

Тут все чины вместе с Сунь У-куном бросились во дворец Прекрасной государыни, но там было пусто: ни правителя, ни его любимицы. Тем временем к Сунь У-куну явились все жены и наложницы царя, обитательницы главного женского дворца, восточного и западного дворцов и шести палат. Все они хором благодарили Великого Мудреца, земно кланялись ему.

— Прошу вас, встаньте! — велел им Сунь У-кун. — Пока еще рано благодарить! Идите лучше и ищите своего повелителя!

Вскоре из дворцовых покоев появилось несколько евнухов, которые вели под руки своего неразумного государя. При виде повелителя все сановники и прочие чины повалились ему в ноги и разом воскликнули:

— О повелитель наш! Как мы признательны сему святому монаху, прибывшему сюда, в нашу страну; он открыл нам, где правда, где ложь. Ведь тесть государя, который исчез, оказался злым оборотнем. С ним исчезла также и Прекрасная государыня.

Услышав эти слова, правитель тотчас же пригласил Сунь У-куна в парадный зал дворца, где низко поклонился ему в знак благодарности, и промолвил:

— Почтеннейший! Почему это ты так сильно изменился? Когда ты прибыл сюда, у тебя был очень благообразный вид.

Сунь У-кун рассмеялся.

— Не стану скрывать от тебя государь, — ответил он. — В первый раз у тебя был не я, а мой наставник, Сюань-цзан, названный брат Танского императора. Я же только его ученик. Зовут меня Сунь У-кун. У наставника еще есть два ученика: Чжу У-нэн и Ша У-цзин. Все они находятся сейчас на постоялом дворе при почтовой станции. Узнав, что ты послушался злого оборотня и замыслил приготовить из сердца и печени моего наставника отвар, чтобы запивать снадобье, я принял облик своего наставника и явился сюда лишь за тем, чтобы привести в покорность злого чародея.

Правитель выслушал Сунь У-куна и приказал самому великому сановнику Тай-цзаю * отправиться на почтовую станцию и пригласить Танского монаха и его учеников пожаловать ко двору.

Между тем, узнав о том, что Сунь У-кун принял свой первоначальный облик и вступил в бой со злым оборотнем, Танский монах до того перепугался, что душа у него, как говорится, едва не покинула тела. К счастью, рядом с ним были Чжу Ба-цзе и Ша-сэн, которые утешали и подбадривали его. Кроме того, наставника томил и мучил зловонный запах глины, наклепленной ему на лицо, и как раз в тот момент, когда он испытывал особое неудовольствие, вдруг за дверьми раздался голос:

— Наставник! Я — Тай-цзай, и явился сюда по приказу моего повелителя просить тебя пожаловать ко двору, где тебе будет воздана благодарность за совершенное благодеяние.

Чжу Ба-цзе не удержался от смеха.

— Наставник! Не бойся! Не бойся! На этот раз тебя приглашают не за тем, чтобы вырезать у тебя сердце; видно, наш Сунь У-кун справился с оборотнем и тебя зовут, чтобы отблагодарить и отпраздновать победу.

— Возможно, что это так, — скорбно отозвался Танский монах, — пусть меня зовут праздновать победу, но как я покажусь людям в таком виде, с этой зловонной глиной на лице?

— Ничего не поделаешь,— сочувственно произнес Чжу Ба-цзе, — пойдем сперва к Сунь У-куну, пусть он снимет с тебя свои чары.

Танский монах долго колебался и наконец последовал за Чжу Ба-цзе и Ша-сэном, которые

несли поклажу и вели коня. Когда они вышли из ворот почтовой станции, Тай-цзай, увидев их, так и обомлел от страха.

— О небо! — воскликнул он. — Да ведь это же самые настоящие чудища!

— Не посетуй на нашу уродливость,— с достоинством произнес Ша-сэн.— Мы не виноваты в этом. А наставник наш сразу же примет благообразный вид, как только встретится со своим старшим учеником.

Трое путников, сопровождаемые огромной толпой, прибыли во дворец и прошли к тронному залу без всякого доклада. Сунь У-кун, увидев их, поспешно сбежал с тронного возвышения. Он остановился перед наставником, снял с лица его глину, дунул на него своим волшебным дыханием и произнес: «Изменись!» Танский монах принял свой первоначальный облик и сразу же преобразился. Правитель тоже сошел с трона и приветствовал Танского монаха.

— О мой наставник! — повторял он.— Почтенный Будда!

Тем временем ученики Сюань-цзана привязали коня и подошли к тронному залу представиться. Сунь У-кун завел беседу.

— Государь! — молвил он. — Не скажешь ли нам, из какой страны прибыл к тебе этот злой оборотень. Я хоть сейчас готов отправиться за ним и схватить его вместе с его отродьем, чтобы вырвать с корнем зло.

А надо вам сказать, читатель, что за изумрудными ширмами находились все жены и любимицы государя из трех дворцов и шести палат. Они слышали все, что говорил Сунь У-кун, и при последних его словах, забыв приличие и не смущаясь присутствием посторонних мужчин, вышли из-за ширмы и стали земно кланяться Сунь У-куну.

— Умоляем тебя, святой монах, почтенный Будда наш, соверши свое великое волшебство, яви чудотворную силу, — молили они, — скоси ты прочь всю сорную траву и выполи ее с корнем! Пусть сгинет злое отродье! Поистине ты окажешь нам величайшее благодеяние, которого мы не забудем во всю нашу жизнь.

Сунь У-кун в свою очередь поспешил низко поклониться в ответ на их поклоны и, обратившись к правителю, стал просить его поскорее сказать, где живет злой оборотень.

Превозмогая жгучий стыд, правитель начал рассказывать:

— Три года назад, когда он впервые появился здесь, я как-то раз спросил его, откуда он родом. Он ответил, что живет неподалеку от нашего города, в семидесяти ли к югу отсюда, в селении Цветов на склоне горы Люлиньпо. Там его родина. До преклонных лет у него не было детей и лишь от второй жены родилась дочь. Когда он явился сюда, девушке исполнилось шестнадцать

лет. Он сказал, что она еще никому не просватана и выразил желание преподнести ее мне в знак своих верноподданных чувств. Мне очень понравилась эта девчонка, я взял ее к себе и наслаждался с ней во дворце всеми радостями жизни. Не ожидал я, что получу от нее недуг. Все знаменитые лекари лечили меня, но ничего не помогало. А оборотень взялся вылечить меня: «У меня, — сказал он, — есть чудесное средство, только запивать его надо отваром из сердец детей!». Я по своему неразумению поверил ему. У жителей отобрали маленьких детей и сегодня ровно в полдень должны были вырезать у них сердца. Но неожиданно-негаданно явились вы, святые монахи, словно с неба снизошли, а тут еще как нарочно исчезли все корзины с детьми. Оборотень давай меня уговаривать, что, мол, сей святой монах в течение десяти поколений совершенствовал себя, ни разу еще не источал из себя изначальную мужскую силу, и если взять у него сердце, то оно окажется в десять тысяч раз полезней, чем сердца всех детей вместе взятых. На меня словно затмение какое-то нашло, не знал я, что вы, святые монахи, распознаете злого оборотня. Осмелюсь молить вас явить свою великую волшебную силу и искоренить на будущее это страшное зло. Готов отдать вам за это все достояние моего государства!

— Не будем ничего скрывать друг от друга, — смеясь, ответил Сунь У-кун. — Детей велел мне спрятать мой наставник из чувства жалости и сострадания к ним. А о твоих богатствах лучше не говори. Если я изловлю оборотня, то это зачтется мне как заслуга, вот и все.

Затем, обратившись к Чжу Ба-цзе, Сунь У-кун сказал:

— Пойдем со мною, Чжу Ба-цзе!

— Я бы с удовольствием, — ответил тот, — но у меня в брюхе совсем пусто, надо бы сперва набраться сил!

Правитель, услышав эти слова, тут же распорядился:

— Живей приготовить трапезу!

Не прошло и часа, как угощение было подано.

Чжу Ба-цзе досыта наелся, приободрился и последовал за Сунь У-куном. Они вскочили на облако и умчались. Ошеломленные этим зрелищем, правитель государства, все его жены и наложницы, а также многие гражданские и военные чины, задрав голову вверх, в страхе совершали поклоны.

— Вот уж, право, сущие праведники и истинные Будды снизошли к нам, грешным! — причитали многие из них.

Великий Мудрец Сунь У-кун в сопровождении Чжу Ба-цзе направился прямо на юг, к тому месту, которое отстояло на семьдесят ли от города. Там они придержали ветер и облако и стали искать логово злого оборотня. Их взорам представился чистый ручей, протекавший в

узких горных расселинах, сплошь покрытых густыми зарослями ив и тополей, но селения Цветов нигде не было видно. Вот уж поистине:

На десять тысяч цин

Раскинулись долины,

И взорам не обнять

Степную благодать.

Под мгlistой тенью ив,

Растущих вдоль плотины,

Селенье спряталось —

И кровель не видать.

Не находя нигде селения, Сунь У-кун щелкнул пальцами и прочел заклинание. Тотчас же явился местный дух земли, который опустился на колени и дрожа от страха пролепетал:

— Великий Мудрец! Местный дух горы Люлиньпо кланяется тебе до земли!

— Не бойся! — успокоил его Сунь У-кун.— Я вовсе не собираюсь бить тебя. Скажи мне только, где здесь селение, которое носит название селение Цветов.

— Такого селения здесь нет, — отвечал дух, — но есть пеще ра под таким названием. Теперь я догадываюсь, в чем дело. Ты, Великий Мудрец, вероятно, прибыл сюда из страны бикшу, не так ли?

— Совершенно верно! — подтвердил Сунь У-кун. — Ты прав. Какой-то злой оборотень обманул правителя страны бикшу. Я сразу понял, что обманщик на самом деле оборотень и тотчас же вступил с ним в бой. Но он превратился в холодный луч и исчез. От тамошнего правителя я узнал, что три года назад этот оборотень подарил ему молодую девицу и что живет оборотень в семидесяти ли к югу от города, в селении Цветов на склоне горы Люлиньпо. Вот я и явился сюда на розыски, увидел гору, поросшую ивами, а селения Цветов не нашел. Поэтому я вызвал тебя, чтобы справиться.

Дух земли снова поклонился до земли и проговорил:

— Великий Мудрец! Молю тебя, прости мне мою вину. Должен сознаться, что правитель страны бикшу — властитель здешних мест. Надо было мне рассказать ему про оборотня. Но оборотень этот обладает огромной волшебной силой, и если бы он узнал, что я выдал его, он принялся бы истязать и тиранить меня, поэтому я и смолчал. А теперь, раз уж ты, Великий Мудрец, сам явился сюда, я открою тебе тайну, как добраться до него. Ступай на южный берег ручья, там увидишь тополь с девятью большими ветвями. Обойди его кругом: три раза влево и

три раза вправо. Потом хлопни по стволу ладонями и три раза подряд кликни: «Откройте ворота!». Ворота откроются, и ты увидишь пещеру Цветов.

Великий Мудрец внимательно выслушал духа, затем велел ему убраться, перепрыгнул вместе с Чжу Ба-цзе через ручей и стал искать тополь, который они действительно скоро увидели. Это было огромное дерево с могучими корнями и девятью огромными ветвями.

— Отойди-ка подальше,— сказал Сунь У-кунь, обращаясь к Чжу Ба-дзе, — и стой там, пока я не найду оборотня. А когда я выгоню его из пещеры, принимай его на себя.

Чжу Ба-цзе послушался, отошел на пол-ли от дерева и встал там как вкопанный. Тем временем наш Великий Мудрец, следуя совету местного духа, стал кружиться вокруг дерева: сперва три раза влево, потом три раза вправо. После этого он хлопнул ладонями по дереву и трижды произнес: «Откройте ворота!» В тот же миг раздался резкий звук, ворота распахнулись, а от дерева не осталось и следа. Вокруг все сверкало и переливалось всеми цветами радуги, но ни одного живого существа не было видно Сунь У-кун отважно ринулся в ворота, и взору его открылась удивительная по своей красоте картина:

Разноцветный туман

Колыхался вокруг без конца,

Словно скрылась луна за шелками,

И в отблеске чудном

Зарумянилось солнце.

К ступеням большого дворца

Подступала поляна,

Одетая мхом изумрудным.

И растет и растет

Белоснежный туманный покров.

Травы нежные дышат

Волшебным, живым ароматом,

И дорожка прямая

Бежит по лужайкам покатым

В многоцветном ковре

Из безвестных чудесных цветов.

Меж стволов

Вьется ветер весенний струей прихотливой,

Пчелы в улья приносят

Цветов ароматную дань.

Этот сад, — как похож он

На остров бессмертья счастливый:

На Пэнлай, на Инчжоу,

На благодный сад Ланьюань!

Петли длинные лоз

По сверкающим вьются скамейкам,

И лианы обвили мосты

Над волною реки.

Через камень оград

За нектаром душистым и клейким

Залетают, танцуя среди орхидей,

Мотыльки.

Сунь У-кун быстро зашагал, внимательно глядя перед собой. На каменной плите, служившей экраном перед входом во вторые ворота, он увидел надпись из четырех больших иероглифов: «Дворец цветов бессмертного старца». Сгорая от нетерпения, Сунь У-кун завернул за экран и увидел самого оборотня. Он держал в объятых красотку и, захлебываясь, рассказывал ей о том, что случилось в столице страны бикшу. Затем оба они горестно воскликнули:

— Как жаль! Такой хороший случай! Три года собирались и сегодня могли бы завершить все дело, если бы не эта обезьянья морда, которая взяла да все испортила!

Сунь У-кун подбежал к оборотню и, выхватив свой посох, закричал что было силы:

— Я вам задам, мохнатые! О каком это «хорошем случае» вы говорите? Отведайте-ка вкус моего посоха!

Старый оборотень выпустил из объятий красотку и, взмахнув своим посохом, бросился навстречу Сунь У-куну. И вот у пещеры разгорелся бой. Противники дрались не на жизнь, а на смерть, не так, как в первый раз. Вот послушайте:

Лишь палицей

Царь обезьяний взмахнет,
Из палицы брызжет
Огонь золотистый.
И, мрак нагоняя,
Из посоха бьет
Дыханье дракона
Струею нечистой.
— Как смел ты пролезть
Сквозь ворота, злодей? —
Царю обезьян
Закричал чародей.
— Поклялся всех оборотней
Истребить я, —
Великий Мудрец
Отвечает ему.
Колдун свирепеет:
— А ты здесь к чему?
Твоя ли забота,
Что мог обольстить я
Правителя бикшу?
Что девы наитья
Его покорили?
Что отроков тьму
Собрал я
И крови задумал испить я?
Герой отвечает:
— Мой добрый учитель
Велел заступиться

За бедных детей.
Тебя отучу
От кровавых затей!
Меня ты узнаешь,
Коварный мучитель!
Ты Будды святого
Изведаешь власть! —
И палицей в демона
Метит попасть.
В их сердце
Вскипают и ярость и злоба.
О жизни своей
Не заботятся оба,
Пытаясь врага
Захватить врасплох.
Тот — палицей бьет,
А этот — драконом,
И мечутся оба
По склонам зеленым,
И топчут траву
И узорчатый мох.
Заря угасает
В пещере проклятой.
Не слышно
Волшебных цветов аромата.
Сгустилась вокруг
Непроглядная ночь.
Удары оружия

Взвихрили воздух,
И птицы,
Спокойно уснувшие в гнездах,
Взмахнули крылами
И кинулись прочь.
От грохота битвы
Земля задрожала,
Колдунья-красавица
Прочь убежала.
Все яростней битва.
Удары все чаще.
Сражается посохом
Злой чародей.
Но Царь обезьян —
Он мстит за детей! —
Разит его палицей,
Грозно гремящей,
Удар за ударом
Наносит в упор
И гонит злодея
Из тьмы на простор.
Но граблями
Там Чжу Ба-цзе замахнулся,
И демон
Холодным лучом обернулся.

Вам известно, читатель, что Чжу Ба-цзе не пошел в пещеру и, слыша яростные крики и вопли сражающихся, едва удерживался, чтобы не ринуться в бой. Не находя себе места от нетерпения, он взмахнул граблями и изо всей силы ударил по тополю. Огромное дерево со стоном повалилось наземь. В остервенении Чжу Ба-цзе ударил по дереву еще несколько раз, и

вдруг из него брызнула алая кровь и слышались звуки, похожие на стон.

— Вот те на! — удивился Чжу Ба-цзе. — Дерево-то оказывается оборотень!

Он поднял грабли, готовясь нанести еще один сокрушительный удар, но в этот момент увидел Сунь У-куна, который гнал оборотня из пещеры. Не говоря ни слова, Чжу Ба-цзе бросился вперед и принялся что было сил колотить оборотня. Старый колдун, который и без того уже выдохся, увидев Чжу Ба-цзе с граблями, пришел в смятение и, обратившись холодным лучом, умчался на восток. Сунь У-кун и Чжу Ба-цзе с воинственными криками помчались за ним. Вдруг их оглушил резкий крик птицы Люань и трубный глас аиста, а вслед затем появился яркий луч света. Они стали всматриваться и узнали в луче старца духа звезды Южного предела неба. Старец сразу же накрыл рукой, словно колпаком, холодный луч и воскликнул:

— погоди, Великий Мудрец, и ты, полководец звезды Тянь-пэн. Дайте мне, старику, поклониться вам, как положено!

Сунь У-кун тотчас же совершил ответный поклон, а затем спросил:

— Брат мой, дух звезды Долголетия, откуда изволил пожаловать?

Чжу Ба-цзе со смехом сказал:

— Эх ты, дурная голова! Накрыл холодный луч. Да ведь ты же поймал оборотня!

— Здесь он! Не уйдет! — тоже засмеявшись, ответил старец. — Прошу вас, пощадите его, оставьте ему жизнь.

— А кем он тебе приходится, брат мой? — удивился Сунь У-кун. — Зачем ты вступился за него и просишь о пощаде?

— Да я ведь ездил на нем, — отвечал старец, — не ожидал я, что он удерет от меня и превратится в оборотня.

— Раз эта тварь принадлежит тебе, прикажи ей показаться нам в своем настоящем виде, — попросил Сунь У-кун.

При этих словах старец выпустил холодный луч и строго прикрикнул:

— Скотина ты этакая! Живо предстань в своем настоящем виде, тогда тебя пощадят!

Тут оборотень встряхнулся — это был белый олень. Старец поднял с земли кривой суковатый

посох, приговаривая:

— Какая скотина, а? Даже мой посох уволокла с собой!

Олень, ни слова не говоря, припал к земле и лишь головой кивал, словно отбивая поклоны; из глаз его струились слезы.

Был тот белый олень,

Словно яшма, покрыт письменами.

Он, блаженствуя, пасся

В нагорных целебных садах.

Дух звезды Долголетия

Носился на нем в облаках,

Вдоль Небесной Реки

Пролетая высоко над нами.

На рогах красовались

Четырнадцать длинных развилин.

Был он оборотнем,

А теперь навсегда обессилен.

Он тайком обучился

Бесовским заклятьям и чарам:

Колдовать, становиться драконом,

Холодным лучом.

Жил в волшебном дворце он,

И было ему нипочем

Обернуться святым мудрецом

И наставником старым.

Но расплата пришла,

И возмездия ждал его день:

Пред хозяином снова склонился

Покорный олень.

Дух звезды Долголетия простился с Сунь У-куном, сел верхом на оленя и собрался было отправиться в путь, но Сунь У-кун удержал его:

— Пстой-ка, брат! — сказал он. — Надо завершить еще два дела.

— Какие там еще дела? — удивился старец.

— Надо поймать его красотку и узнать, что это за тварь, — ответил Сунь У-кун. — Кроме того, мы должны все вместе отправиться в страну бикшу и предстать перед ее неразумным правителем; пусть посмотрит на оборотня в его настоящем виде и откажется от своих прежних повелений.

— Ну что же, — ответил старец, — придется, видно, мне потерпеть. Ступайте с полководцем звезды Тяньпэн в пещеру и изловите красотку. Заодно и ее покажете в настоящем виде.

— Так ты жди нас здесь, брат, — попросил Сунь У-кун. — Мы живо справимся и вернемся сюда.

Чжу Ба-цзе приосанился и направился вслед за Сунь У-куном в пещеру Цветов бессмертного старца.

— Идем за оборотнем! Идем за оборотнем! — кричал Чжу Ба-цзе зычным голосом.

А красотка тем временем дрожала от страха. Бежать было некуда. Услышав крики Чжу Ба-цзе, она спряталась за каменным экраном перед воротами, но задних ворот в пещере не было, — выскочить она не могла, и Чжу Ба-цзе увидел ее.

— Ты куда? — заорал он, видя, как заметалась красотка. — погоди, гнусная тварь, я покажу тебе, как морочить добрых людей! Видишь эти грабли?

У красотки в руках не было никакого оружия, и она, отскочив в сторону, превратилась в холодный луч и помчалась к выходу. Но Сунь У-кун не растерялся и сразу же преградил ей путь. «Бац! Бац!» — раздались удары посохом, и оборотень, потеряв опору в ногах, упал на землю, прямо в пыль, где сразу же принял свой первоначальный облик. Представьте себе, это была лисичка с белой мордочкой! Чжу Ба-цзе не удержался, высоко поднял грабли и одним ударом размозжил ей голову. Бедная лисичка! Еще недавно она была обворожительной красавицей, одним взглядом покоряющей целые города! А сейчас это был неподвижный мохнатый комок.

— Не трогай ее! — закричал Сунь У-кун. — Пусть правитель полюбуется своей красоткой!

Без всякого отвращения Чжу Ба-цзе схватил лисичку за хвост и поволок ее за собой, выйдя вместе с Сунь У-куном из пещеры.

Тем временем дух звезды Долголетия, глядя рукой голову оленя, журил его:

— Ах ты, скот этакий! — говорил он. — Как же это ты провел меня? Оставил своего хозяина, а сам превратился в оборотня! Да если бы я не подоспел сюда, Великий Мудрец избил бы тебя до смерти!

В этот момент к ним подошел Сунь У-кун и спросил:

— Ты о чем тут толкуешь?

— Да вот все браню своего оленя!

Чжу Ба-цзе швырнул лисицу прямо к оленю.

— Не твоя ли это любимая доченька? — злорадно спросил он.

Олень помотал головой и, вытянув морду, стал обнюхивать мертвую лисицу, после чего жалобно замычал.

Дух звезды Долголетия хлопнул его по голове.

— Скотина! Довольно с тебя и того, что ты остался жив, — укоризненно сказал он. — А ты еще обнюхиваешь эту падаль!

Он быстро снял с себя пояс, привязал один конец к шее животного, а другой взял в руки.

— Великий Мудрец! — сказал он, обращаясь к Сунь У-куну. — Я готов идти с тобой в страну бикшу.

— Постой! — остановил его Сунь У-кун. — Надо очистить это место от всяких следов нечисти, чтобы впредь она вновь не завелась.

Чжу Ба-цзе, услышав эти слова, сразу же стал ломать растущие вокруг ивы. А Сунь У-кун прочел волшебное заклинание, и перед ним снова предстал местный дух земли.

— Набери скорей сухого хвороста. Мы разведем костер и выжжем всю нечисть, которая здесь завелась, чтобы она больше не причиняла зла людям.

Дух земли покружился: сразу же подул северный ветер и откуда ни возьмись появился целый сонм духов-воинов, которые приволокли несметное количество разных сухих трав и сухой камыш. Образовался огромный стог растений, которые сохли в течение двух лет и от одной искры могли загореться, словно облитые гарным маслом.

— Ба-цзе! — крикнул Сунь У-кун. — Не ломай деревья! Давай завалим пещеру этим стогом, подожжем его, и все сгорит дотла.

И действительно, как только взметнулся огонь, пещера Цветов, в которой жил оборотень, превратилась в бушующее море пламени.

После этого Сунь У-кун велел духу земли убраться восвояси. А затем вместе с Чжу Ба-цзе и духом звезды Долголетия, который вел на поводу оленя и тащил лисицу, прибыл ко дворцу правителя страны бикшу.

— Вот тебе твоя красotka, любуйся! — воскликнул Сунь У-кун, указывая на лисицу. — Разве можно было любить ее?

Правитель весь дрожал от страха. Все придворные, в том числе жены и наложницы правителя, увидев Великого Мудреца Сунь У-куна и духа звезды Долголетия, который тащил на поводу белого оленя, оцепенели от страха и принялись отбивать земные поклоны. Подойдя к правителю, Сунь У-кун взял его под руку и, смеясь, сказал:

— Хватит кланяться! Вот этот олень как раз и есть тесть государя. Ты бы лучше ему поклонился!

Правитель не знал, куда деваться от стыда:

— Благодарю тебя, святой монах, за избавление от смерти невинных детей моей страны, — лепетал он. — Вот уж поистине вы оказали нам милость, такую же великую, как само небо!

Затем он распорядился, чтобы приготовили обильную трапезу из постных блюд.

Широко распахнулись ворота восточного дворца, и правитель пригласил туда в знак благодарности духа звезды Долголетия, Танского монаха и его учеников. Танский монах и Ша-сэн приветствовали духа звезды Долголетия вежливым поклоном, а затем они оба заинтересовались белым оленем.

— Каким же образом он мог попасть сюда и натворить столько зла, если принадлежит вам? — спросили они у старца.

Дух звезды Долголетия рассмеялся.

— Вот как было дело — начал он, — недавно мимо моей горы пронёсся Восточный князь. Я задержал его у себя и уселся играть с ним в шашки. Не успели мы закончить партию, как эта скотина вдруг куда-то исчезла. Когда гость мой удалился, я пустился на поиски, но нигде не мог его найти. Тогда я стал прикидывать по пальцам, куда он мог деваться, и сообразил, что он может находиться только здесь. Едва я направился сюда, как повстречал Великого Мудреца Сунь У-куна, который прикончил бы эту скотину, если бы я еще немного задержался.

В это время явились слуги с докладом: «Кушать подано!» Каких только не было яств на этом пиру! Вот послушайте:

Числа нет украшениям богатым

У входа в зал. Там — тысячи ковров,

Завес узорных из живых цветов.

Дворец наполнен дивным ароматом.

Для пира пышный стол уже готов,

Парчовой, яркой скатертью накрытый.

Ковер червлёный застилает плиты,

Как облако на утренней заре.

Из ста курильниц фимиам сандала

Плывет, клубясь, до пестрых балок зала.

Стол тонет в золоте и серебре:

Там овощей полны большие блюда,

Приятен вид их, тонок аромат.

В корзинах, сложенные свежей грудой,

Там фрукты разноцветные лежат.

Там звери разные, за рядом ряд,

Отлитые из леденца цветного:

Вот барс, вот пара уток «Юаньян»,

Вот лев, вот конь, вот лев багряный снова,

А вот верблюды и стадо обезьян.

Здесь ковш похож на птицу-рыболова,

Бокала клюв похож на какаду.

Там виноград разложен на виду.
А персики? — один сочней другого!
Стручков, бобов, орехов разных тьма.
Колючие плоды, личжи, каштаны
И фундуки... А здесь лежат бананы,
И финики, и фиги, и хурма,
Фруктовые пастилы и печенья,
И лакомые сласти на меду —
Все дразнит обоняние и зренье.
Куски сыров лежат в одном ряду
С творожниками... Просто объеденье!
Вот в чашах виноградное вино
С густым настоем из сосновых шишек,
На золотых подносах горы пышек!
Душистый рис, наваленный стеной!
Под масляной и сахарной подливой
Разложены, нарядны, горделивы,
Зажаренные овощи, яркие,
Сочны, точь-в-точь пионов лепестки!
Здесь все цветет, дымится и сверкает.
Горячий суп в серебряных котлах,
Настоенный на пряных овощах,
С лапшой, заправлен перцем: разжигает
Желанье он и дразнит жадный вкус.
Все перечислить я и не берусь,
Все кушанья, все блюда, все названья,
А сколько там кореньев и грибов,
Закусок разных — тысячи сортов!

Ростки бамбука, тающие сладко
На языке, как сахар, без остатка.
Все десять самых лучших овощей:
Имбирь нагорный, сладкий лук-порей,
Листы бобовые, латук с салатом,
Петрушка, спаржа, нежный сельдерей
И мальва с мелкокрошеным шпинатом.
В стихах как опишу я сотни блюд,
Их вкус и запах, соус и приправу?
Всех и не счесть, а новые несут!
На славу пир! — могу сказать по праву.

Гости начали с того, что сперва определили места за столом по порядку старшинства. Первое место было предложено занять духу звезды Долголетия. Танский монах занял второе место. Правитель государства сел напротив. По бокам расселись Сунь У-кун, Чжу Ба-цзе и Ша-сэн. Далее, слева и справа, уселись несколько великих сановников и советников Тай-ши, после чего сразу же было отдано распоряжение сановнику, ведавшему музыкой, пением и пляской, начинать представление. Правитель собственноручно подносил гостям пурпурные бокалы, наполненные вином.

Один лишь Танский монах не выпил ни глотка.

— Брат! — сказал Чжу Ба-цзе, обращаясь к Сунь У-куну. — Бери все мои фрукты и плоды, а взамен отдай мне все супы и рис.

Сунь У-кун согласился, и Дурень принялся уплетать за обе щеки, ни крошки не оставляя после себя.

Но вот пир подошел к концу, и дух звезды Долголетия стал прощаться. Правитель приблизился к нему, опустился на колени и начал с поклонами молить его дать совет, как избавиться от недуга и продлить жизнь.

— Я, видишь ли, искал своего оленя, а потому не взял с собой никаких пилюль и снадобий, — отвечал дух Долголетия. — Я бы охотно дал тебе совет, как излечиться, но уж больно ты слаб и хил, не сможешь выполнить его. Ба! Да у меня в рукаве осталось еще три финика из тех, что я набрал для Восточного князя, когда потчевал его чаем. На, возьми их в подарок!

Правитель тут же проглотил их и почувствовал облегчение: болезнь начала выходить из него.

Вот почему впоследствии тот, кто вкушал финики, обретал долголетие.

Чжу Ба-цзе стал просить старца:

— Почтеннейший дух Долголетия! Дай и мне хоть несколько фиников.

— А у меня больше нет при себе! — отвечал старец. — Как-нибудь в другой раз я подарю тебе хоть несколько цзиней.

С этими словами он вышел из восточного дворца, поблагодарил за угощение, подозвал к себе белого оленя, вскочил ему на спину и улетел на облаке.

Мы не станем рассказывать здесь о том, как правитель со своими женами и наложницами, все жители, знатные и простые, возжигали фимиам, кланялись и благодарили.

— Ну, братья, — сказал Танский монах, — и нам пора в путь. Давайте прощаться с правителем.

Но правитель ни за что не хотел отпускать монахов, слезно молил их остаться и просветить его учением Будды.

— Государь! — сказал Сунь У-кун. — Возьми себе за правило отныне поменьше предаваться страстям, побольше совершать тайных благотворений, во всех делах старайся добром перекрывать зло, и этого будет вполне достаточно, чтобы изгнать болезнь и продлить жизнь. В этом и заключается наше учение.

Тогда правитель велел вынести два подноса с рассыпным золотом и серебром и преподнес его монахам на дорожные расходы. Но Танский монах наотрез отказался взять хотя бы крупницу. Однако правитель государства не унимался. Он велел подать царский выезд, предложил Танскому монаху занять место в своей колеснице, и сам вместе с женами и наложницами выкатил ее за ворота дворца. На всех улицах и базарах толпами собрались жители, каждый хотел хоть чем-нибудь проявить свою благодарность: кто подносил воду, кто возжигал душистый ладан; так наших путников провожали до городских ворот. Неожиданно налетел сильный ветер, и с воздуха по обеим сторонам дороги плавно опустились корзины — тысяча сто одиннадцать штук. Дети, которые находились в них, громко плакали. Их незримо охраняли дух—хранитель города, дух местности, духи очагов, повелитель духов пяти стран света, четыре божества времени, небесные посланцы Лю-дин и Лю-цзя и, наконец, духи — хранители кумирен. Обращаясь к Сунь У-куну, они воскликнули:

— Великий Мудрец! Мы в точности выполнили твое повеление и укрыли всех этих детей. Ныне, узнав, что ты, Великий Мудрец, справился с оборотнем и отправляешься в дальнейший путь, мы решили вернуть сюда всех детей.

Правитель вместе со всеми своими приближенными, а так же все сановники и простой народ

стали отбивать земные поклоны.

— Благодарю вас всех, уважаемые духи! — громко произнес Сунь У-кун, взглянув на небо. — Возвращайтесь к себе. Я велю всем людям этой страны постоянно приносить вам в благодарность жертвы.

Вновь зашумел, завыл сильный северный ветер и быстро умчался.

Сунь У-кун велел жителям города забрать своих детей. Весть об этом сразу же разнеслась по всему городу. Родители явились, радостные и ликующие, вынимали детей из корзин, обнимали их, называя разными ласковыми именами, некоторые даже прыгали от радости, смеялись, и все в один голос упрашивали Танского монаха и его спутников: «Обязательно зайдите к нам, мы хотим отблагодарить вас хоть чем-нибудь за спасение наших детей!». Старые и малые, мужчины и женщины без всякого страха подходили к ученикам Сюань-цзана, несмотря на их безобразную внешность; Танского монаха, Сунь У-куна, Чжу Ба-цзе и Ша-сэна подхватили на руки, взяли под уздцы коня, потащили поклажу и так возвратились в город. Правитель не мог помешать жителям изъявлять благодарность. И вот начались угощения. Кто не мог пригласить к себе монахов, подносил им подарки: монашеские головные уборы, сандалии, одежду, чулки. В общем, всех их снарядили с ног до головы.

Лишь через месяц монахи покинули страну бикшу. Перед их уходом с них срисовали образа, возвели в их честь памятные таблицы в домовых храмах и стали совершать перед ними жертвоприношения. Все это произошло потому, что

Монахи много сделали добра

И тысячи людей спасли от смерти.

Огромная возвысилась гора

Деяний добрых — до небесной тверди!

Если хотите знать, какие еще события произошли после этого, прочитайте следующие главы.

<http://tl.rulate.ru/book/14623/288510>